

*Симонова Арина Романовна
студентка 4 курса бакалавриата
факультет права
Национальный исследовательский университет «Высшая Школа
Экономики»
Россия, г. Москва
e-mail: arinasimonovaa@gmail.com*

ПОКАЗАНИЯ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

***Аннотация:** В данной статье рассматриваются показания как доказательства в уголовном процессе, приведен анализ законодательства, доктрины и судебной практики. Автор приходит к выводу о том, что разнообразие показаний в уголовном процессе связано с существованием различных прав и обязанностей процессуальных статусов участников, что отвечает назначением уголовного судопроизводства по защите прав и интересов лиц, потерпевших от преступлений и по защите личности от незаконного и необоснованного обвинения. Однако правоприменитель способен нарушать права участников уголовного судопроизводства, преодолевая гарантии прав личности формальным подходом к толкованию норм УПК РФ.*

***Ключевые слова:** уголовный процесс, уголовное судопроизводство, показания, допрос, доказательства.*

*Simonova Arina Romanovna
4th year bachelor student
Faculty of Law
National Research University Higher School of Economics
Russia, Moscow*

TESTIMONY AS EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

***Abstract:** This article examines testimony as evidence in criminal proceedings, analysing legislation, doctrine and legal practice. The author concludes that the diversity of evidence in criminal proceedings is associated with the existence of different rights and obligations of the procedural status of participants, which corresponds to the purpose of criminal proceedings to protect the rights and interests of victims of crime and to protect the individual from unfounded charges. However, the law enforcer is able to violate the rights of participants in criminal proceedings by overcoming the guarantees of individual rights with a formal approach to the interpretation of the norms of the Code of Criminal Procedure.*

***Key words:** criminal procedure, testimony, examination, evidence.*

Исторически, показания, полученные в результате допроса, являющегося классическим следственным действием, наличествуют в практически любом уголовном деле, а их содержание давно сформировалось в доктрине и практике уголовного процесса.

Являясь сведениями, на основе которых устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, показания представляют собой самый разнообразный по своему количеству источник этих сведений в так называемом исчерпывающем перечне отдельных видов доказательств [1, ст. 74], сформированного в силу исторического развития российского уголовного процессуального права [2, с. 456-457]. Данное разнообразие заключается в процессуальном статусе допрашиваемых лиц и в такой характеристике показания, как его субъективный личный характер – это всегда информация, исходящая от конкретного физического лица [2, с. 502], полученная в результате допроса в форме протокола [1, ст. 190]. Поэтому законодатель определил следующие виды показаний: 1) показания подозреваемого; 2) показания обвиняемого; 3) показания потерпевшего; 4) показания свидетеля; 5) показания эксперта; 6) показания специалиста. Вследствие их широкой дифференциации необходимо выявить характерные для отдельного вида особенности.

В силу схожести процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого их показания имеют общие черты. В первую очередь, необходимо сказать о причинах выделения этих доказательств в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ). Важное значение обособленности показаний обвиняемого и подозреваемого заключается в том, что против них направлено уголовное преследование, поэтому они вправе отказаться от дачи показаний вообще и не несут ответственности за такой отказ [1, ст. 46, 47]. По сути, речь идет о конституционной норме отсутствия обязанности свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников [3, ст. 51] и о защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Однако, в практике применения уголовно-процессуального закона наблюдаются случаи производства очной

ставки с обвиняемым, отказавшимся от дачи показаний [4, с. 25]. Данный подход сомнителен в своей законности по следующим основаниям. В случае своего отказа повторный допрос обвиняемого по тому же обвинению возможен только по его просьбе, согласно ч. 4 ст. 173 УПК РФ. Основной частью предмета показаний обвиняемого являются сведения по существу предъявленного ему обвинения. Главным же условием проведения очной ставки (являющейся разновидностью допроса) остается обязательный предварительный допрос ее участников, и только в случае наличия существенных противоречий в ранее данных показаниях следователь вправе провести указанное следственное действие. Так, в апелляционной жалобе в защиту Е. его адвокаты указывали на недопустимость использования в качестве доказательства показания Е., полученные в ходе очной ставки с П., поскольку Е. на первом допросе в качестве обвиняемого отказался от дачи показаний, воспользовавшись правом, предоставленным ст. 51 Конституции РФ, с просьбой о повторном допросе он не обращался, следовательно, показания Е. получены с нарушением ч. 4 ст. 173 УПК РФ [5]. Суд, отказав в удовлетворении жалобы, указал, что обвиняемый давал показания в присутствии защитника, следовательно не было нарушения закона несмотря на то, что перечень недопустимых доказательств не является исчерпывающим в рамках УПК РФ соответствующей статьей.

С сугубо доказательственной точки зрения разница между показаниями обвиняемого и подозреваемого невелика, однако регулирование вопросов, связанных с показаниями обвиняемого, является более обширным в силу существования классификацией по критерию признания своей вины [2, с. 506]. Практическое значение данной классификации заключается в том, что признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств, т.е. ему придается меньшая юридическая сила. Это является единственным исключением от принципа, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Однако указанный механизм защиты обвиняемого зачастую оборачивается в

способ психологического давления на него со стороны органов предварительного расследования. Оно выражается в выдвигании следователем или дознавателем по своей сути ультиматума: либо обвиняемый признает вину и ему избирается наиболее «мягкая» мера пресечения – подписка о невыезде, – либо же в противном случае, при отказе от признания вины, следователь грозит избранием для обвиняемого более суровых мер пресечения, например заключения под стражу [6, с. 44]. Таким способом следователи и дознаватели преодолевают установленные законодателем барьеры, необходимые для реализации назначения уголовного судопроизводства. Причина, по которой сотрудники органов предварительного расследования нарушают уголовно-процессуальный закон, заключается в существовании особого порядка принятия судебного решения, ставшим инструментом для участников уголовного судопроизводства *ex officio* для достижения противоположным назначению уголовного судопроизводства целей. Ответственным является законодатель, который решил импортировать институт особого порядка принятия судебных решений из Италии при поддержке американских специалистов по сравнительному правоведению, не учитывая того, что данный институт никогда не был характерен для российского уголовного процесса, в частности, и как части континентальной традиции.

Законодатель выделил в отдельный источник сведений показания потерпевшего. Связано это с признанием за ним особого процессуального статуса и, следовательно, у потерпевшего есть не только процессуальные права, но и процессуальные обязанности, так как публично-правовая природа уголовного процесса вынуждает рассматривать потерпевшего как важный источник информации, без показаний которого нередко невозможно расследовать и рассмотреть дело о деянии, представляющем опасность для всего общества [2, с. 507]. Поэтому на потерпевшего и возлагаются процессуальные обязанности дачи правдивых показаний и дачи показаний вообще. Однако, дача показаний так же является и правом потерпевшего, поэтому следователь, дознаватель обязаны их получить [7], что в некотором роде ограничивает

самостоятельность этих должностных лиц по производству следственных действий. В основном же показание потерпевшего ничем другим не отличаются от показаний свидетеля. Но стоит заметить, что дача показаний свидетелем является исключительно обязанностью, а за отказ от дачи или дача заведомо ложных показаний он несет уголовную ответственность.

Однако существуют обстоятельства, когда определенные лица не только освобождаются от обязанности давать показания, но и вовсе не могут быть допрошены в качестве свидетелей. Эти обстоятельства охватываются самостоятельными уголовно-процессуальными институтами относительного (возможность отказаться от дачи показаний и невозможность привлечения к ответственности за такой отказ) и «абсолютного» свидетельского иммунитета (исключение возможности получения показаний от лица, обладающим таким иммунитетом) [2, с. 509].

В случае со свидетельским иммунитетом адвокатов, защитников подозреваемого или обвиняемого существовала проблема невозможности их допроса в ситуациях, когда адвокат, защитник оказывался единственным, кто вправе подтвердить сведения, касающиеся расследования дела в отношении обвиняемого, о нарушении уголовного закона после проведения следственных действий. Однако наличие свидетельского иммунитета полностью исключало возможность допроса адвоката, защитника в качестве свидетеля для подтверждения указанных фактов. Конституционный суд Российской Федерации посчитал, что это не исключает его права дать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений. Более того, Суд посчитал, что данная норма также не служит для адвоката препятствием в реализации права выступить свидетелем по делу при условии изменения впоследствии его правового статуса и соблюдения прав и законных интересов лиц, доверивших ему информацию, а невозможность допроса указанных лиц – при их согласии дать показания, а также при согласии тех, чьи прав и законных интересов непосредственно касаются конфиденциально полученные адвокатом сведения, – приводила бы к

нарушению конституционного права на судебную защиту и искажала бы само существо данного права [8].

Показания эксперта и специалиста имеют акцессорную (дополняющую) природу, т.е. их доказательства не могут существовать в автономном режиме: они всегда следуют за соответствующими заключениями, являясь их дополнением. В этом и заключается их характерное отличие от других видов показаний. В остальном показания эксперта и специалиста подчиняются тем общим правилам, которые характерны для показаний вообще. Они даются в устной форме, могут быть получены только в результате допроса и т.д.

Таким образом, разнообразие показаний в российском уголовном процессе связано с существованием различных по содержанию прав и обязанностей процессуальных статусов его участников, что отвечает назначением уголовного судопроизводства по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и по защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод и историческим развитием понятия доказательства в российском уголовном процессе (закрытый перечень источников сведений – принцип *numerus clausus*). Однако, данное положение дел неидеально: правоприменитель нарушает права участников уголовного судопроизводства (в первую очередь, подозреваемого и обвиняемого), преодолевая гарантии прав личности формальным подходом к толкованию норм УПК РФ. Более того, остаток формальной системы доказательств в виде признания вины сложно назвать соответствующим правилам доказательственного права в уголовном судопроизводстве. В целом, за такое расхождение между прописанными в УПК РФ правилами, гарантирующими соблюдение прав личности, и их применением ответственен законодатель, который в попытках создать в России полностью состязательный уголовный процесс [2, с. 117], не учел отечественной специфики.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от

18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 13.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.06.2023) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

2. Арутюнян А.А., Брусницын Л.В., Васильев О.Л. и др. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут. 2021. 1328 с.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».

4. Артамонова Е.А. О правомерности производства очной ставки с обвиняемым, отказавшимся от дачи показаний // Российский судья. 2017. № 9. С. 24-27.

5. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Мурманского областного суда от 23 июля 2015 г. Уголовное дело № 22-1092-2015. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://oblsud--mrm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=525172&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 18.06.2023 г.).

6. Шаповал А.Б. О некоторых проблемах на стадии предварительного расследования // Адвокатская практика. 2021. № 2. С. 42-48.

7. Рыжаков А.П. Потерпевший: понятие и правовой статус. Комментарий к статье 42 УПК РФ // СПС КонсультантПлюс. 2020. (дата обращения: 20.06.2023)

8. Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 108-О «По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».